М. КОЖЕВНИКОВ и Н. ЛАГОВИЕР

ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И
БОРЬБА С НИМИ

(ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК)

Москва
Юридическое Издательство НКЮ РСФСР
1926

М. КОЖЕВНИКОВ и Н. ЛАГОВИЕР

ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
и
БОРЬБА С НИМИ

(ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК)

Москва
Юридическое Издательство НКЮ РСФСР
1926

Тип. М.К.Х. им. Ф. Я. Лаврова. Варгунихина гора, 8.

Мосгублит № 60571. Тираж 5.000.

Глава I.

Две системы (порядка) государственного управления.

(От управления посредством специальных чиновников к управлению всех по очереди).

Для более правильного и широкого понимания значения той борьбы, которую ведет с должностными преступлениями Советское государство, необходимо прежде всего понять роль чиновничества в государстве советском и буржуазном.

В настоящее время советское государство так же, как и буржуазное, для управления нуждается в услугах специальных должностных лиц.

Некоторые из них выбираются местным населением непосредственно (например, председатель и члены сельсоветов), другие—местными советами и исполкомами (например, заведующие отделами, судьи), третьи назначаются центральными учреждениями (например, прокуроры и их помощники).

Всякое должностное лицо в советском государстве так же, как и в буржуазном, несет определенные обязанности и в то же время наделено определенными служебными правами, необходимыми для выполнения этих обязанностей.

Советское государство так же, как и буржуазное, обязывает граждан под страхом ответственности выполнять законные требования отдельных представителей власти.

Таким образом, на первый взгляд, порядок управления в советском государстве как будто такой же, как и в государстве буржуазном.

На самом деле это далеко не так. За сходством чисто внешнего характера скрывается коренное различие.

В буржуазном государстве управление, естественно, построено так, чтобы полнее обеспечить господство меньшинства над большинством. Мыслима ли здесь такая система управления, при которой действительно управляли бы рабочие и крестьяне непосредственно или посредством выборных, сменяемых, зависимых от трудового населения должностных лиц? Очевидно, немыслима.

Буржуазные писаки могут сколько угодно до небес возносить пресловутую буржуазную «демократию». Факт остается твердым, как гранит: буржуазное государство есть орудие господства меньшинства, и, стало быть, до тех пор, пока власть силою не вырвана у этого меньшинства, нет и не может быть подлинной рабоче-крестьянской демократии, а то, что громко именуется демократией, есть, как выразился т. Ленин, демократия для немногих, демократия для богатых.

Перед нами самая демократическая из современных «демократий» — Америка. И вот как ее характеризует в своей, переведенной на русский язык, книжке один из американских сенаторов (Петигрю).

«Сенат Американской республики, выражающий высшую волю американского народа в целом, на две трети состоит из адвокатов, состоящих на жаловании у трестов, банков, железнодорожных компаний,— в общем, на жалованьи у промышленников. Они, эти наемники, величают себя народными представителями, да иначе и не может быть: народ здесь—это владельцы всех естественных богатств страны, транспорта, банков, фабрик и т. д.,—в общем кучка богачей.

Эта кучка через своих агентов-адвокатов управляет страной, в ее руках весь правительственный аппарат, служащий ей, как средство для обогащения».

Такова наиболее демократическая из буржуазных стран. Всеобщая стачка английских рабочих в мае 1926 г. также с достаточной ясностью показала цену буржуазной демократии, всей силой своего механизма отстаивающей интересы капиталистов.

Но если система государственного управления не может быть ни в коем случае (пока государство буржуазное!) построена так, чтобы фактически управляло большинство населения, то как же она построена в действительности? Здесь-то нам и становится ясной роль чиновничества в буржуазном государстве.

Буржуазия управляет посредством чиновников. А для того, чтобы чиновники творили именно ее волю, чтобы они надежно служили ее интересам—беспощадной эксплоатации масс,—чиновники, конечно, не должны находиться в зависимости от населения.

Чиновничий аппарат, действительно, представлял собой особую группу лиц, специалистов по управлению, стоявшую над обществом.

Чиновников связывал между собой особый порядок назначения, увольнения, вознаграждения. Чиновничий аппарат представлял собой как бы лестницу. Верхушка ее или прямо подкупалась правящей буржуазной кликой, или, что в сущности одно и то же, косвенно, при помощи высоких окладов, чинов и орденов. А верхушке строго подчинялось среднее и низшее чиновничество.

Чиновник всецело зависел от ближайшего и прочего начальства. Раболепное перед начальством, тысячами нитей связанное с буржуазией и помещиками, чиновничество привыкло командовать трудящимися, относиться с презрением к их нуждам и жалобам, смотреть сверху вниз на трудящегося.

Буржуазно-помещичье государство ставило своих чиновников в привилегированное положение и в смысле уголовной ответственности.

Устанавливалась, так называемая, административная гарантия, т.-е. особый порядок разрешения вопроса о привлечении к ответственности должностных лиц, для чего в иных случаях требовалось разрешение начальника. А это на деле означало то, что найти рабочему и крестьянину управу на зарвавшегося чиновника было нелегко, а подчас и невозможно, какие бы гнусные, даже с точки зрения буржуазных законов, безобразия в отношении трудящихся чиновник ни совершал.

Большое число всевозможных насильников, взяточников, казнокрадов при царизме не только оставалось безнаказанным, но получало награды, высшие назначения.

Итак, отрыв чиновников от масс, выделение их в особую привилегированную группу, строгий централизм и назначенство—такова система государственного управления, соответствующая интересам буржуазии, как правящего меньшинства.

Вполне понятно, что трудящиеся массы веками привыкли бояться и ненавидеть всю буржуазную государственность в целом и чиновничество, как одну из ее опор, в частности.

Совершенно иначе обстоит вопрос в советском государстве. Советское государство является органом классового господства не меньшинства над большинством, а большинства над меньшинством. Именно поэтому систему управления оно строит так, как этого никогда не могут себе позволить буржуазные государства.

Главная суть советской системы в том, чтобы в управление втянуть всю массу трудящегося населения, а не в том, чтобы управление сосредоточить в руках особой привилегированной группы чиновничества.

Вся Советская конституция, основанная на отказе от бюрократического управления сверху путем назначенства и приказов (кроме тех отраслей, где без этого не обойтись), на широкой самостоятельности местных советов, на широчайшей национальной свободе, добровольном вхождении отдельных национальностей в Союз Советских Социалистических Республик, проникнута основным стремлением передать управление государством трудящихся в руки самих трудящихся масс.

Известно, как много напряженных усилий прилагает Советская власть в этом именно направлении. Сюда относятся меры по оживлению советов, по организации правильных и законных выборов, образованию секций и комиссий при волисполкомах, сельсоветах, меры по втягиванию в повседневную работу советов и советских органов, как, например, суды, миллионов беспартийного крестьянства, меры по выдвижению рабочих и работниц от станка, крестьян и крестьянок от сохи на ответственную советскую работу.

Не чиновничья бюрократическая каста, а сама масса трудящихся должна управлять государством,— таков смысл всех этих мероприятий, всей нашей конституции.

От системы управления посредством специальных чиновников к системе управления всех по очереди!

Такую задачу и программу ставило себе уже первое в истории человечества рабочее правительство—знаменитая Парижская коммуна 1871 года.

Говоря о ней, величайший учитель рабочего класса Маркс указывал, что гласные коммуны были ответственны перед населением и в любое время сменяемы, что сверху донизу общественная служба должна была исполняться за заработную плату рабочего.

«Коммуна освободила бы крестьянина,—говорит Маркс,— от жандарма, полевого сторожа, священника, адвоката, нотариуса и других пиявок капиталистического строя».

В своих «беседах о праве и государстве» т. Крыленко указывает, что «в этом уничтожении чиновничества со всей его иерархией (лестницей), уравнении всех чиновников по заработной плате т. Ленин видел образец той новой формы, которая сама в себе несла невозможность возрождения старого и которая должна была быть основой нового».

Такую задачу ставит себе и рабоче-крестьянское государство, СССР.

«Рабочие, завоевав политическую власть,—пишет Владимир Ильич,—разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же рабочих и служащих, против превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: не только выборность, но и сменяемость в любое время, плата не выше платы рабочего, переход медленный к тому, чтобы все исполняли функции контроля и надзора, к тому, чтобы на время все становились бюрократами и чтобы поэтому никто не стал бюрократом».

Известна мысль т. Ленина о том, что «каждая кухарка должна научиться управлять государством».

Добиться того, чтобы любая государственная функция могла быть исполняема в любое время любым гражданином СССР, чтобы все управляли по очереди и постепенно привыкли к тому, чтобы никто не управлял—такова задача, которую ставит себе советское государство, и которой, конечно, ни одно буржуазное государство ставить не может.

Удалось ли нам полностью ныне разрешить вот эту задачу? Конечно, нет. Переход к такому порядку мыслился т. Лениным, как переход медленный, постепенный.

Еще много придется поработать над тем, чтобы поголовно все трудящееся население по очереди управляло, чтобы окончательно отпала необходимость в услугах специальной группы чиновничества, должностных лиц.

Дальнейшее поднятие нашего хозяйства, повышение грамотности, образования, культурного уровня трудящихся—необходимые для этого условия.

Но важно то, что в таком именно направлении советское государство развивается на наших глазах. Оправдываются слова т. Ленина о том, что «с каждым шагом Советской власти будет выделяться все большее и большее количество людей, освободившихся до конца от старого буржуазного предрассудка, будто не может управлять государством простой рабочий и крестьянин». Это в корне меняет в нашем государстве и взаимоотношения должностных лиц с населением и отношение советского государства к борьбе с должностными преступлениями.

Должностное лицо в советском государстве, как было упомянуто, на-ряду с определенными обязанностями, наделяется определенными правами. Его законные распоряжения обязательны для граждан. Но должностное лицо в советском государстве отнюдь не мыслится, наподобие буржуазного царского чиновника, как начальство, которому наплевать на население, на его нужды, жалобы, заявления, который не служит населению и не зависит от него.

Подобно тому, как все советское государство есть классовый орган трудящихся, так и каждый винтик его, каждый служащий, администратор должен быть приказчиком трудящихся, а не воображать себя начальством, на котором лежит ка-

кая-то особая благодать, перед которым трудящийся должен ломать шапку.

Никакой особенной благодати на советском служащем-администраторе, какой бы высокий пост он ни занимал, не лежит. Он—приказчик трудящихся и государства трудящихся, исполнитель воли трудящихся, защитник их прав и интересов.

Так и только так должен понимать свою роль каждый представитель советской власти; так ее должен понимать и каждый трудящийся.

А из всего этого ясно, что только советское государство всерьез заинтересовано в ограждении трудящихся от преступных действий должностных лиц.

Руки буржуазного государства в борьбе с преступлениями своих чиновников связаны. Во-первых, страхом перед эксплоатируемыми массами и тою существенной ролью, которую чиновничество играет в деле поддержания власти буржуазии.

Во-вторых, необходимостью для буржуазии выделения чиновничества в особую привилегированную группу.

В-третьих, глубоким безразличием, которое вообще отличает государство эксплоататоров (начиная от рабовладельческого и крепостнического и кончая буржуазно-демократическим), к интересам трудящихся масс.

Если действия чиновника направлялись против интересов правящего буржуазного меньшинства, то за такие действия буржуазная власть, разумеется, умела карать сурово. Совсем другое дело, если от произвола, самодурства, насилий, превышения власти, незаконных поборов страдал раб, крепостной или современный рабочий и крестьянин буржуазных государств и терзаемых ими колоний: в таких случаях буржуазная юстиция умеет оставаться глухой и снисходительной к безобразиям своих чиновных лакеев.

Только советская система управления, рассчитанная на управление самих масс и в интересах тех же масс, рассчитанная на постепенное отмирание самого института чиновничества, требующая от всех должностных лиц служения не за страх а за совесть интересам трудящихся, действительно, по самому своему существу в состоянии вести решительную, последовательную и беспощадную борьбу с теми должностными лицами, которые действуют по старинке, во вред трудящимся.

А к таким действиям относятся так называемые должностные преступления.

Глава II.

Какое значение имеет для трудящихся борьба с должностными преступлениями в советском государстве.

Нетрудно понять то громадное значение, которое имеет для трудящихся борьба с должностными преступлениями в советском государстве.

Должностные преступления обычно приносят тяжкий вред отдельным гражданам.

Всякое должностное преступление представляет собой серьезное нарушение советским служащим возложенных на него служебных обязанностей.

В чем бы должностное преступление ни выражалось, оно обычно связано с нарушениями прав и интересов отдельных граждан.

Вымогает ли служащий взятку у гражданина или самоуправничает, производя, скажем, незаконные аресты, обыски, реквизиции, конфискации, взимая самочинные налоги и сборы, или бездействует, несвоевременно, к примеру, составляет поселенные списки, не об'являет о сроках уплаты налогов— ясно, что во всех этих случаях нарушаются права и интересы отдельных граждан.

И надо прямо сказать, чаще всего при этом страдает не кулак, не нэпман, а трудящийся, рабочий, крестьянин-бедняк и середняк. Вот на чьей спине прежде всего отзываются взятничество, злоупотребления, произвол, волокита преступных представителей власти.

Но не только правам и интересам отдельных граждан причиняют вред должностные преступления. Создавая невыносимую обстановку произвола, взяточничества, бесправия, они тем самым являются одним из вреднейших тормазов на пути поднятия крестьянского и всего нашего народного хозяйства.

Для того, чтобы рабочий и крестьянин могли спокойно отдаться мирному хозяйственному труду, необходима уверенность трудящегося в том, что его не коснется произвол, что в лице отдельных представителей власти он встретит не нарушителей, а защитников своих законных прав и интересов. Без такой уверенности невозможно спокойно заниматься хозяйством.

Коммунистическая Партия и Советская власть, лишь только закончилась гражданская война с помещичье-буржуазной контр-революцией, иначе говоря, как только появилась малейшая возможность, приступила к созданию как в городе, так и в деревне таких условий, которые наиболее благоприятствовали мирному строительству.

В настоящее время продолжается усиленная борьба за повсеместное в стране проведение и укрепление твердой революционной законности, т.-е. такого порядка, при котором (говоря словами т. Крыленко), каждому обеспечена полная свобода, если он совершит то, что советским законом не воспрещается, и наказуемость для всякого, кто бы он ни был, при совершении деяний, воспрещенных законом.

Иначе говоря—это такой порядок, при котором не только частные, но и должностные лица, представители власти, обязываются строжайшим образом руководствоваться советскими законами.

Для наблюдения же за тем, чтобы советский закон соблюдался всеми и для принятия соответ-

ствующих мер в случае нарушения его и была организована советская прокуратура.

На XIV Всесоюзной конференции РКП в апреле 1925 г. тов. Сольц следующим образом пояснил в своем докладе значение революционной законности:

«Надо широким трудящимся массам, в первую очередь членам партии и тем, кто осуществляет Советскую власть, понять, что наши законы во всех своих проявлениях утверждают и укрепляют то строительство, которое мы хотим осуществить, и нарушение наших законов разрушает это строительство».

«Мы стремимся к тому, чтобы все трудящиеся стали на сторону нашего строительства. Это будет, когда мы не будем подчеркивать, не будем проводить такую политику, по которой единственно кто знает, что дозволено или не дозволено, это—представители власти в виде Коммунистической Партии, в виде ответственных представителей Советской власти».

«Задача наша состоит в том, чтобы за всеми слоями населения обеспечить те права, которые мы считаем необходимым ему обеспечить в интересах нашего строительства».

Итак, нарушения революционной законности срывают развитие нашего хозяйства.

А сюда относятся не только такие действия, как скажем, убийство, кража, грабежи, поджог, бандитизм, но и различные служебные преступления.

Борьба с должностными преступлениями далее необходима и для **укрепления рабоче-крестьянского государства в целом.** Служебные преступления в двояком смысле подрывают рабоче-крестьянское государство. Во-первых, взяточничество, самоуправство, злоупотребления от-

дельных дожностных лиц означают то, что отдельные винтики государственной машины совершенно недоброкачественны, а это не может не отражаться на работе всего аппарата в целом. Должностные преступления срывают в той или иной отрасли работу советского государства, имеющую в виду интересы миллионов трудящихся масс.

Нужно ли ходить за примерами того огромного вреда, который часто приносят государству и общественным организациям должностные преступления? Достаточно вспомнить хотя бы те массовые растраты в наших сельских и городских кооперативах, которые одно время прокатились по стране и которые в настоящее время несколько уменьшились благодаря твердым и решительным мерам Советской власти.

Общественные деньги вместо того, чтобы расходоваться на общественную нужду, на усиление кооперации, уходили в карманы преступных должностных лиц, а кооперативные организации разлагались и хирели.

Стоит только представить себе работу волземкомиссии, суда, следователя, землеустроителя, сельсовета и любого советского органа, если в среду их затесались преступные элементы, для того, чтобы понять вред, приносимый государству должностными преступлениями.

Нужно иметь в виду и то, что число и сложность обязанностей должностных лиц в советском государстве шире, чем в буржуазном. В руках советского государства не только орудия политической власти (армия, флот, суд и т. п.), но и командные хозяйственные высоты (транспорт, внешняя торговля, земля), а деятельность рабоче-крестьянской общественности как бы является продолжением государственной. Но чем серьезнее и разно-

стороннее обязанности, возлагаемые на должностных лиц, тем опаснее, разумеется, нарушения их.

Это во-первых.

А во-вторых, не меньшее значение имеет и политический вред, который приносят партии и Советской власти, да и всем трудящимся должностные преступления. Преступные действия отдельных представителей власти подрывают в глазах малосознательных граждан доверие к власти в целом. О власти часто (деревня в особенности) судят на основании поведения ее отдельных представителей. Когда на местах должностные лица творят безобразия, когда тот или иной представитель власти оказывается взяточником, пьяницей, казнокрадом, самодуром—значит, плоха Советская власть. Разве мало крестьян, недостаточно разбирающихся в истинном положении и политике Советской власти, рассуждают подобным образом?

Конечно, такое рассуждение в корне неправильное. Конечно, советское государство со всей решительностью ведет борьбу с злоупотреблениями своих служащих.

Но факт остается фактом, и немало все еще достаточно темных людей из среды самих трудящихся, которым злоупотребления отдельных представителей Советской власти заслоняют глубочайшее значение единственного в мире советского государства, в котором, в отличие от всех прочих государств, власть принадлежит не горсти хищников, а миллионам рабочих и крестьян.

Безобразия отдельных представителей, подрывая доверие к власти, вместе с тем являются препятствием к вовлечению широких масс трудящихся в управление страной, в социалистическое строительство.

А все то, что мешает миллионам рабочих и крестьян сомкнуться для дружного строительства должно быть решительно и беспощадно отметено.

Чертополох из советского огорода должен быть вырван с корнем!

Вот почему, имея в виду то, что сказано было о сущности советской системы управления, и тот огромный вред, который должностные преступления приносят отдельным гражданам, интересам всего нашего мирного хозяйственного строительства, интересам смычки крестьянства и рабочего класса, Советская власть заинтересована в беспощадной борьбе со всякими злоупотреблениями отдельных представителей власти.

Вот, например, что по этому поводу постановил XII С'езд РКП (б):

«Необходимо неуклонно добиваться честной и аккуратной работы низовых советских органов. Неаккуратная, несвоевременная присылка распоряжений о налоге, волокита при производстве землеустроительной работы или разборе земельной тяжбы, пьянство, взятка и произвол в советском аппарате являются орудием в руках наших классовых врагов. Обнаружение элементов, вносящих в наш советский аппарат навыки царско-крепостнического режима и мешающие укреплению союза рабочих и крестьян, изгнание их из советского апарата, публичный суд над ними—являются важнейшими задачами партии и Советской власти на-ряду с неустанной помощью партии лучшим элементам Советской власти в низовых аппаратах».

Точно также и последняя Всесоюзная Конференция Коммунистической Партии признала, что «интересы укрепления пролетарского государства, дальнейшего роста доверия к нему со стороны широких масс крестьянства, в связи с проводимой ныне политикой нашей, требуют **максимального упрочения революционной законности, в особенности в низовых органах**».

Борьбу с должностными преступлениями можно рассматривать, как один из заветов вождя рабочих и крестьян тов. Ленина.

Владимир Ильич, развивая мысль о том, как партия должна представлять себе дальнейшее развитие советского строя, сказал, что мы переходим к такому порядку, когда мы на практике должны показать превосходство нашего строя перед всяким другим, что мы должны всему населению показать, что мы и хозяйничать, и управлять умеем лучше, чем капиталисты.

Владимир Ильич указывал, что необходимо установить такой порядок, чтобы существовал на местах прокурорский надзор, который следил бы за нарушением представителями власти установленных законов и мог бы привлекать к ответственности кого нужно.

Самая мысль о создании партийных контрольных комиссий была тоже вызвана отчасти потребностью бороться против проявлений произвола. Что говорит т. Ленин о задачах контрольных комиссий? Он подчеркивает три главных задачи: совершенствование госаппарата, забота о единстве партии и борьба с самоуправством и злоупотреблениями власти.

Из всего этого нетрудно понять, какое громадное значение придавал т. Ленин борьбе с должностными преступлениями.

Глава III.

Как борется Советская власть с должностными преступлениями.

Как же борется Советская власть со взяточничеством, злоупотреблениями, превышением власти, служебными растратами, халатностью и иными должностными преступлениями?

Не останавливаясь пока на каждом отдельном виде должностных преступлений (о чем речь идет ниже), рассмотрим главнейшие меры, принимаемые Советской властью в целях борьбы с должностными преступлениями вообще. Меры эти разнообразны.

Прежде всего к ним относится установление уголовной ответственности за должностные преступления. Уголовная ответственность достаточно строга. За такое, например, должностное преступление, как злоупотребление властью, установлено лишение свободы на срок не ниже одного года со строгой изоляцией [1]). Не ниже!

Наш Уголовный Кодекс все вообще преступления разделяет на две основных группы. К первой относятся те, которые направлены против основ советского строя и в силу этого признаются наиболее опасными; вот по этой группе Кодексом определяется предел «не ниже», т.-е. такой, ниже которого суд не вправе назначить меру социальной защиты. По всем остальным, менее опасным преступлениям, наоборот, устанавливается Кодексом не низший, а высший, допустимый для суда предел.

---

[1])—По проекту Уголовного Кодекса, утвержденному 2 сессией ВЦИК X созыва, не ниже 6 месяцев.

Устанавливая за злоупотребления властью предел «не ниже», Уголовный Кодекс тем самым относит их к первой, наиболее серьезной, группе преступлений. Не ниже одного года — стало быть, суд при особо отягчающих случаях может довести наказание и до десяти лет лишения свободы.

Суд вправе в необходимых случаях, кроме того, в качестве дополнительной меры, помимо лишения свободы, назначать и поражение прав, подвергнуть штрафу, постановить об увольнении с должности. Если совершившее должностное преступление лицо, по своей преступной деятельности или по своей связи с преступной средой данной местности будет признано общественно-опасным, суд может лишить его, как и любого гражданина права пребывать в определенном месте на срок до трех лет.

Такую же строгую уголовную ответственность (не ниже одного года) закон устанавливает не только за злоупотребления по службе, но и за некоторые другие виды должностных преступлений, как, например, за превышение власти. В некоторых же случаях закон еще усиливает ответственность.

Так, например, постановление судьями из корыстных или иных личных видов неправосудного приговора, решения или определения карается по нашему закону лишением свободы на срок не ниже трех [1]) лет с отстранением от судейских обязанностей, а при особо отягчающих обстоятельствах— и расстрелом.

Расстрелом наш закон угрожает и за наиболее серьезные случаи растрат, превышений власти.

Вот как строго Советская власть преследует должностные преступления.

В отличие от царских законов и царской практики, покрывавших обычно грешки и преступления чиновников, в особенности из числа именитых дворян, советские законы, наоборот, устанавливают

[1]) По проекту Угол. Код.—не ниже двух лет.

для советских служащих более строгую ответственность и не останавливаются перед расстрелом тех из них, деятельность которых особо вредна для трудящихся. Такую строгую ответственность советский закон устанавливает не во имя мести, но во имя ограждения общих интересов трудящихся.

Советский уголовный закон, в отличие от помещичьего, буржуазного, как известно, вообще не руководствуется местью по отношению к отдельным лицам, совершившим то или иное (в том числе и должностное) преступление.

Не в мести дело, а в классовых интересах рабочих и крестьян. Меры, устанавливаемые советским законом против преступлений вообще и должностных в частности, преследуют главную основную цель: защитить трудящихся от преступных, опасных лиц и действий. Они потому и называются мерами социальной защиты.

Меры против тех или других видов должностных преступлений не оставались одними и теми же и изменялись. Мы пережили, например, полосу, когда особо широкое, массовое распространение имело взяточничество—эта отвратительная язва и наследие прошлого. Интересы трудящихся требовали принятия беспощадных мер против этого вида должностных преступлений. И Советская власть перед ними не остановилась. Но вот волна таких преступлений, как взяточничество, стала падать, пошла на убыль и, естественно, и судебная репрессия стала менее суровой. Наоборот, в последнее время, как уже упоминалось выше, прокатилась волна растрат и мы видим усиление ответственности за них в настоящее время. Вот что по поводу растрат заявил еще в начале 1925 г. Народный Комиссар Юстиции и Прокурор Республики тов. Курский:

«Никакого разговора не может быть о ликвидации (прекращении) этих дел в адми-

нистративном или в дисциплинарном порядке. Все они будут доводиться до суда, при чем только в самых исключительных случаях будут применяться условные осуждения и смягченные формы наказания».

Так и поступали с растратчиками наши суды.

Немало растратчиков народного и общественного достояния уже расстреляно по приговорам советских судов.

Приведенные два примера, касающиеся ответственности за взяточничество и растрату, показывают, чем именно руководствуется Советская власть, устанавливая ту или иную уголовную ответственность за различные преступления. Не месть, а классовая целесообразность, интересы трудящихся в целом,—вот что, повторяем, кладется в основу борьбы с преступностью вообще и должностными преступлениями в частности.

Этим руководствуется и советский суд, разбирая дело о том или ином должностном преступлении. Советский закон предоставляет суду достаточно простора и свободы и даже обязывает его в каждом отдельном случае принимать во внимание все обстоятельства дела и личность обвиняемого. Советский суд, конечно, при определении меры социальной защиты примет во внимание имущественное положение служащего, степень его нуждаемости, сознательности и опасности для общества. Служащий, по нужде присвоивший незначительную сумму казенных или общественных денег, и ответственный работник, произведший крупную растрату из-за стремления широко пожить, конечно, представляют далеко неодинаковую опасность для рабоче-крестьянского государства. Если у советского суда окажется достаточно снисхождения для первого, то второй меньше всего может рассчитывать на снисхождение в советском суде. Чем вреднее и опаснее для тру-

дящихся то или иное должностное преступление, тем более беспощадна и борьба с ним.

К таким именно опасным преступлениям наши суды относят должностные преступления, совершенные из корысти, должностные преступления, сопряженные с разного вида и рода насилием над личностью, самодурством. Совершенно естественно, что громадное большинство этих преступлений совершается в деревне. Здесь для них имеется наиболее благоприятная почва в виде низкого культурного уровня населения, полного незнания часто самых простых своих прав и обязанностей, а также и способов защиты от незаконных действий представителей власти и вообще должностных лиц. Верховный Суд РСФСР поэтому предложил «с особенной тщательностью рассматривать дела об уже раскрытых преступлениях этого рода», и лишь в исключительных случаях допускать условное осуждение.

Итак, одной из мер борьбы с должностными преступлениями является установленная Советской властью в общем строжайшая уголовная ответственность за должностные преступления, ответственность, которая смягчается лишь в отдельных случаях, когда это представляется желательным и необходимым в интересах рабочих и крестьян.

При этом необходимо отметить и то, что для привлечения любого должностного лица к уголовной ответственности вообще и за должностные преступления в частности советский закон никаких рогаток не ставит. Коль скоро имеются доказательства того, что то или иное должностное лицо действительно злоупотребляет своим положением, против него по жалобе любого гражданина как потерпевшего, так и прочих, в законном порядке может быть возбуждено уголовное преследование. Не только по приговору суда, но и до суда, во время расследования дела, если того требуют интересы раскрытия истины, привлеченное в качестве обвиняемого долж-

ностное лицо, наравне со всяким гражданином может быть следователем или органом дознания (угрозыском, милицией, ГПУ) подвергнуто аресту. Никакого разрешения начальства служащего (как это практиковалось царизмом в отношении царских чиновников) советский закон для этого не требует. Необходимо лишь, чтобы при избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу следователь копию своего постановления послал по месту службы обвиняемого (160 ст. Уголовно-Процессуального Кодекса; цирк. НКЮ № 49—1922 г.—«ЕСЮ»[1] № 15). В отношении членов губернских исполнительных комитетов уголовное преследование возбуждается на общих основаниях, ничьего разрешения на это не требуется, но при арестах необходимо предварительное уведомление президиума или председателя губисполкома. То же и в отношении лиц командного и административного состава Красной армии (требуется уведомление военного начальства). Исключение устанавливается лишь для членов высших органов советского государства (ЦИК и СНК СССР и союзных республик), дела о служебных преступлениях которых могут возбуждаться не иначе, как с разрешения президиума соответствующего центрального исполнительного комитета. Об особом порядке дисциплинарной ответственности судебных работников будет указано ниже. За этими, вполне естественными, исключениями никаких отступлений от общего порядка отправления правосудия относительно должностных преступлений советское законодательство не делает. Дела о должностных лицах во время следствия и суда следуют разбирать по тем же правилам, что и дела о любом гражданине.

---

1) «Еженедельник Советской Юстиции».

То значение, которое Советская власть придает борьбе с должностными преступлениями, подчеркивается и тем, что подавляющее большинство дел о должностных преступлениях по нашему закону рассматривается губернскими судами, т.-е. судами, обладающими большими правами, чем народные суды. Некоторые же дела по обвинению в преступлениях по должности могут рассматриваться только Верховным Судом. Таковы, например, дела по обвинению в преступлениях по должности членов Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, народных комиссаров, членов коллегий народных комиссариатов, членов президиума Высшего Совета Народного Хозяйства, членов коллегий Верховного Суда, помощников Прокурора Республики, членов коллегии Государственного Политического Управления. Дела по обвинению в преступлениях по должности губернских прокуроров и их помощников, членов президиума губернского исполнительного комитета, заведующих отделами, председателей и заместителей председателей губернских судов могут быть приняты к рассмотрению Верховным Судом или же переданы им в другой какой-либо губернский суд в зависимости от важности дела (ст. 449 УПК).

Кроме уголовной, существует еще и **дисциплинарная ответственность**.

Такие служебные упущения, которые не имеют серьезного значения, если, например, действие или бездействие служащего не принесло и не могло заведомо для него принести большого вреда, если этими действиями он не преследовал корыстных целей, советский закон все же преследует, но уже не в уголовном, а **дисциплинарном порядке**.

Таковы, например, такие нарушения служебной дисциплины, как неявка к исполнению служебных обязанностей, запаздывание, небрежность, и вообще всякое иное действие, которое хотя по своей не-

значительности и не рассматривается как должностное преступление, но в то же время не может считаться допустимым со стороны служащих, не может считаться совместимым со служебным долгом и достоинством.

И чем выше служебное положение служащего, чем более высокую должность он занимает, тем строже и дисциплинарная ответственность. Кому больше дано, с того больше и взыщется.

В отношении лиц, занимающих ответственные должности в государственных органах (например, членов губернских и уездных исполкомов, директоров и членов правления, трестов, членов ВЦИК и т. д.), дисциплинарные взыскания налагаются особыми дисциплинарными судами (губернскими, состоящими при губисполкомах, и главным дисциплинарным судом при ВЦИК). Какие же взыскания могут налагать дисциплинарные суды? Дисциплинарные взыскания следующие: замечание, выговор с опубликованием в печати или без опубликования, перемещения на другую должность, арест от трех суток до одного месяца, лишение права занимать ответственную должность в государственных органах до пяти лет, увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред или возместить ущерб. При этом нужно иметь в виду то, что дисциплинарным судам предоставлено право соединять эти меры взыскания.

Как видим, и дисциплинарные взыскания являются достаточно строгими.

Говоря об ответственных должностных лицах, можно упомянуть об особом порядке дисциплинарной ответственности судебных работников (глава 14 Положения о судоустройстве РСФСР). Дисциплинарные дела о всех судебных работниках и работниках прокуратуры, работающих в пределах губернии, рассматриваются губернским судом (так назы-

ваемой дисциплинарной его коллегией). Дела о председателях губернских судов, их заместителях, губернских прокурорах и их заместителях подсудны дисциплинарной коллегии Верховного Суда. К дисциплинарной ответственности судебные работники могут быть привлечены за проступки и поведение хотя бы ненаказуемые уголовным законом, но несовместимые с достоинством и назначением судебных деятелей. Кроме того, поводом к дисциплинарному преследованию является отмена Верховным Судом ряда приговоров и решений, как несоответствующих общему духу законов РСФСР и интересам трудящихся масс (ст. 112 Пол. о судоустройстве РСФСР).

Несколько менее строгими они являются в отношении служащих, не занимающих ответственных должностей. В отношении этих лиц в качестве дисциплинарных мер применяется выговор и выговор с опубликованием в печати, при чем меры эти налагаются президиумами губисполкомов (на членов уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов), президиумами уездных исполнительных комитетов (на членов ВИК'ов и сельсоветов), заведующими губернских отделов (на служащих своего отдела). Подробные указания имеются в декрете ВЦИК от 2 января 1921 года, опубликованном в «Собрании Узаконений» за 1921 год (№ 8, ст. 58). Далее 2 сессией II созыва ВЦИК право наложения дисциплинарных взысканий предоставлено и волостным исполнительным комитетам.

Кроме того, согласно положения о сельских советах (ст. 25) «за бездеятельность, злоупотребление и превышение власти, грубое обращение с населением председатель и члены сельсовета могут быть постановлением волостного исполнительного комитета, с утверждения уездного исполнительного комитета, отстраняемы от занимаемых ими должностей, независимо от возбуждения

уголовного преследования или наложения дисциплинарного взыскания».

Но меры, принимаемые Советской властью в целях борьбы с должностными преступлениями, не ограничиваются установлением строгой уголовной и дисциплинарной ответственности.

Мало установить ее в законе, на бумаге, необходимо на деле проводить закон, на деле доказать трудящимся, что борьба с преступлениями должностных лиц ведется всерьез.

И Советская власть не словами, а делом доказывает это.

Все больше разгорается борьба с этим злом. Ежедневно в газетах можно прочесть сообщения об уголовных процессах, в которых разбираются этого рода дела. Все чаще устраиваются и показательные процессы на заводах, в городах, в волостях, имеющие своей целью воочию показать всем трудящимся, что борьба с должностными преступлениями ведется серьезно, не на словах, а на деле.

Уголовный розыск, следователи обязываются законом вести строгое и скорое расследование по делам о должностных преступлениях. Особое внимание выявлению и раскрытию их уделяет и советская прокуратура, призванная стоять вообще на страже революционной законности. Прокуроры в губерниях и уездах, будучи независимы от местных органов власти, будучи представителями центральной власти, имеют большую возможность смело и твердо пресекать преступления должностных лиц, какой бы высокий и самостоятельный пост они ни занимали на местах.

Из года в год красная прокуратура усиливает борьбу с должностными преступлениями, все более успешно их раскрывает, притягивая виновных «за ушко да на солнышко».

Чем дальше, тем все большее внимание уделяется борьбе с преступлениями должностных лиц в де-

ревне, близко задевающими интересы многомиллионного крестьянства.

Этому в особенности содействуют выезды лиц прокурорского надзора в деревни, все учащающиеся обследования низовых органов, производимые как лицами прокурорского надзора, так и рабоче-крестьянской инспекцией и другими уполномоченными на то органами власти.

Путем жалоб, путем обследований, путем работы угрозыска и ГПУ удалось открыть и обнаружить немало самых вопиющих безобразий как в городах, так и в особенности на селе, обнаружить и освободить от негодных и вредных элементов деревню. Не одна деревня с облегчением вздохнула в результате этой чистки низового аппарата.

В краткой брошюре невозможно перечислить все даже наиболее выделяющиеся случаи успешной борьбы и выявления преступлений должностных лиц. Да этого и не требуется.

Сказанное, нам кажется, с достаточной ясностью говорит, что Советская власть не на словах, а на деле, и более строго и решительно, чем какая бы то ни было другая власть в мире, защищает рабочих и крестьян от должностных и иных преступлений отдельных представителей власти.

Глава IV.

Советская общественность в борьбе с должностными преступлениями.

Мы указали на те разнообразные меры, которые принимает Советская власть для того, чтобы искоренить должностные преступления.

Энергичные усилия партии и Советской власти не остаются бесплодными. Они в значительной степени уже очистили советский аппарат от преступных работников. Они освежили обстановку во многих предприятиях, учреждениях, волостях.

Волна таких преступлений, как взяточничество, пошла явно на убыль. На убыль идет и количество служебных растрат. Но чем об'яснить то, что за последние годы наблюдается увеличение числа дел о должностных преступлениях?

Наблюдаемый рост числа дел о должностных преступлениях, однако, не должен быть ложно понят. Он доказывает не то, что растет в общем преступность должностных лиц, что в 1925 г. она больше, чем в 1924 или 1923 году. Для всякого ясно, что из года в год революционная законность у нас делает все большие завоевания, все больше укрепляется, что качество нашего советского аппарата из года в год улучшается.

Рост числа дел о должностных преступлениях доказывает лишь то, что в настоящее время более успешно идет раскрытие их, чем прежде, что чем дальше, тем все трудней для преступных элементов

в советских рядах незаметно и безнаказанно творить безобразия. Мы просто научились лучше, успешнее бороться с ними.

Но вместе с тем совершенно неправильно было бы представлять себе борьбу с должностными преступлениями легкой и законченной.

Должностные преступления имеют еще достаточно глубокие корни в условиях нашей современности.

Должностные преступления вырастают на той же почве, что и преступность вообще.

Громадное влияние, например, на развитие их имеет материальная необеспеченность служащих, в свою очередь обусловленная общим состоянием нашего хозяйства и финансов. Нет никакого сомнения в том, что немало должностных преступлений совершается именно на этой почве, и поэтому поднятие нашего хозяйства, укрепление наших финансов, улучшение материального обеспечения представляют собой наиболее сильные меры борьбы с преступностью должностных лиц.

Милиционер, который живет впроголодь, получая нищенский оклад содержания, да и то несвоевременно, конечно, гораздо легче поддается соблазну со стороны кулака или нэпмана, чем милиционер, обеспеченный более или менее сносно.

То же можно сказать и о землеустроителе, агрономе, канцеляристе и о всяком другом служащем.

Поэтому постановление центральной Советской власти о повышении оплаты работников низового советского аппарата также должно рассматриваться, как в высшей степени полезное для деревни мероприятие. Оно должно сказаться на оздоровлении низового аппарата, на уменьшении числа должностных преступлений в деревне.

Далее, преступность не в меньшей мере должно рассматривать, как наследие дореволюционного прош-

лого, и одним махом от него, от этого наследия, не отделаешься.

Можно ли, скажем, сразу покончить с тем невежеством, той темнотой, теми многочисленными предрассудками, которые искусно прививались, в целях порабощения масс, на протяжении многих лет буржуазно-помещичьего строя? Конечно, нельзя! Для этого потребуется не один десяток лет упорнейшей напряженной работы. Точно также немыслимо сразу или даже в ближайшее время освободиться и от старого наследия, как преступность вообще и преступность должностных лиц в частности.

Итак, борьба с должностными преступлениями дело весьма серьезное и трудное, требующее длительной большой и упорной работы.

Но как во всяком трудном деле, так и в данном случае, решающее значение должна иметь помощь советской рабоче-крестьянской общественности.

Чем больше трудящееся население разовьет самодеятельность в этом направлении, тем меньше трудящиеся города и деревни будут терпеть и страдать от взяточничества, злоупотреблений, растрат и тому подобных безобразий.

Если миллионы рабочих и крестьян будут зорко наблюдать за соблюдением революционной законности, если каждый рабочий и крестьянин о всяком дошедшем до сведения его злоупотреблении того или иного советского служащего сообщит кому следует, тогда труднее будет безнаказанно совершать и должностные преступления.

Каким образом возможно было то, что на протяжении многих месяцев, даже лет, в некоторых селах и волостях местная власть чуть ли не сплошь состояла из явно преступных элементов, творивших безнаказанно всякое насилие над бедняцкой и середняцкой частью населения?

Вот пример. При обследовании в конце 1924 г. одной волости обнаружен был ряд злоупотреблений со стороны должностных лиц. Преступления эти продолжались с 1921 г. при участии местного кулачества. Кучка мошенников держала в своих руках все советские учреждения волости. В течение 1921 г. и 1922 г. этой шайкой расхищено сотни пудов ценных продуктов, как то: муки, рыбы, сухого картофеля, яиц, грибов, крупы, гороха, пшеницы, сахару и т. д., предназначенных для голодающего населения и детского питания. Из года в год одни и те же лица избирались во все учреждения, меняясь должностями только между собой. Шайка эта организует фиктивную сельско-хозяйственную артель, получает на имя этой артели всюду и везде, где только можно, сельско-хозяйственные орудия, материалы и прочие ценности, присваивая все это лично себе. Взяточничество, подлоги, растраты, насилия над гражданами, пьянство, разврат в стенах волисполкома, сделались обычным явлением. Население запугивалось.

Как же могло создаться такое совершенно недопустимое положение безнаказанного господства мироедов и преступников? А ведь приведенный нами пример не единственный.

А возможно это было, главным образом, потому, что само население не проявило достаточной активности, самодеятельности в изобличении преступных элементов.

Но постепенно советская общественность раскачивается, начинает играть все большую роль в укреплении революционной законности вообще, и в борьбе с должностными преступлениями—в частности.

В каких же формах, каким образом советская общественность, да и всякий рабочий и крестьянин, может помочь в этой борьбе?

Прежде всего, у рабочего и крестьянина имеется широкая возможность жалобы и заявления.

Как потерпевший, так и всякий гражданин, заметив какие-либо злоупотребления со стороны тех или иных представителей власти, имеет возможность сообщить о них или в ближайшем исполкоме или милиции, угрозыску, следователю, судье, прокурору.

В прокуратуру можно вообще подавать всякую жалобу,—прокуратура даст ей законное направление. Такие жалобы, как например, на взяточничество тех или иных должностных лиц, на злоупотребления при землеустройстве, нарушающие интересы бедняка и середняка и вообще на любое преступление, если есть основание сомневаться в правильном разрешении жалобы на месте, можно прямо подать ближайшему прокурору.

Советская власть придает огромное значение жалобам трудящихся, требует самого чуткого и внимательного к ним отношения, строго преследует волокиту. Советская прокуратура, как известно, широко открывает свои двери для всякого гражданина, а тем более трудящегося, желающего принести заявление или жалобу.

Для того, чтобы рабочий и крестьянин не затруднялся писанием жалоб, прокуратура принимает не только письменные, но и словесные, устные жалобы. По мере возможности прокуроры выезжают на фабрики, в волости, станицы, села и аулы для приема жалоб от рабочих и крестьян на месте.

Понятно, нужно обращаться с основательными жалобами. Если окажется, что заявлявший о каком-либо преступлении ошибся, и в действительности или самого преступления не было, или хотя оно и было, но совершено не тем лицом, на кого указал жалобщик, то за ошибку и добросовестное заблуждение никто в ответе быть не может. Но если кто-либо заведомо лживо обвиняет другого в пре-

ступлении, то за подобный заведомо ложный донос закон наказывает.

Жалобы уже сыграли громадную роль в борьбе с беззакониями и преступлениями должностных лиц.

Немало служебных и прочих преступлений только таким путем и удалось обнаружить и даже предупредить.

Однако, в деревне все еще наблюдается страх перед подачей жалобы даже на явные злоупотребления представителей власти.

Этот страх является ничем иным, как отрыжкой прошлого. Столетиями крестьянство всячески угнеталось помещичье-буржуазным режимом и привыкло к самому бездушному и пренебрежительному отношению ко всем своим нуждам, запросам, жалобам со стороны царского чиновничества.

Во время крепостничества крестьянских ходоков, осмеливавшихся жаловаться на благородных дворян-крепостников, награждали батогами, плетьми, а то и ссылкой в каторгу.

Да и вообще царский ставленник—чиновник, льнувший к высшим «благородным» командующим классам, сверху вниз смотрел на черную кость—на крестьянина. Какое им было в конце-то концов дело до горьких нужд крестьянина. В лучшем случае тысячи и десятки тысяч самых вопиющих и справедливых жалоб крестьян просто на просто клали под сукно, и крестьянин изо дня в день убеждался в бесполезности своих жалоб. Это в лучшем случае, а еще чаще жалоба на более сильного, скажем, на старшину, урядника, пристава, кулака, грозила жалобщику тяжелыми последствиями и всяческими преследованиями. Пока жалоба покоилась где-то в канцелярии под сукном, ближайшее начальство гнуло, а часто и сгибало жалобщика, как говорится, в бараний рог. Да и вообще, какой смысл и толк мог быть в жалобах при строе, основанном на произволе

сверху до низу, начиная от самодержавного царя, кончая десятским? Неудивительно, если веками помещичье-царский гнет и бесправие внушили крестьянству сильный страх перед подачей жалоб на начальство (как бы не вышло неприятностей),

Суд наедет, отвечай-ка—
С ним я век не разберусь!

Отрыжка этого прошлого дает себя знать и по сие время.

Для борьбы за революционную законность в деревне поэтому имеет громадное значение—вот с этим страхом и покончить.

Необходимо, чтобы каждый крестьянин и крестьянка понимали, что отношение к жалобе трудящегося со стороны Советской власти, как небо от земли, разнится от отношения царской помещичье-буржуазной власти. Каждый крестьянин и крестьянка должны знать, что за жалобу на злоупотребления любого должностного лица (будь то партийный или беспартийный, какое бы он высокое положение ни занимал) жалобщик ни в коем случае пострадать не может, что этого не допустит Советская власть.

Жалоба—это могучее орудие в руках рабочих и крестьян, в руках советской общественности в борьбе со злоупотреблениями должностных лиц.

Этим орудием желательно пользоваться не только тогда, когда злоупотребление задевает интересы самого жалобщика, когда он сам является непосредственно потерпевшим, но и тогда, когда оно касается и других, непосредственно же жалобщика не задевает.

Каждый рабочий и крестьянин заинтересован в том, чтобы злоупотребления должностных лиц своевременно раскрывались, чтобы преступные лица из советских рядов были из'яты. «Если сегодня злоупо-

требление касается Иванова, то завтра оно может задеть и меня» —так должен рассуждать каждый трудящийся.

Но в руках трудящихся в советском государстве имеется и другое не менее важное оружие для борьбы с беззакониями и злоупотреблениями. Это—красная **советская печать** (газеты, журналы). Этим оружием уже научились владеть более сознательные рабочие и крестьяне—рабкоры и селькоры. Их, конечно, не долюбливают всякие проходимцы, проделки которых они разоблачают. Немало их погибло на славном посту. Селькор—это кость от кости крестьянских масс, это передовой представитель крестьянской общественности. Селькоровские заметки—это зеркало, отражающее жизнь деревни как в ее хороших, так и неприглядных сторонах.

Заметки рабкоров и селькоров имеют то преимущество перед частными жалобами и заявлениями, что, в отличие от последних, им обычно чужда личная заинтересованность. Рабкор и селькор поднимают свой протестующий голос не во имя своей личной обиды, причиненной теми или иными злоупотреблениями, неправильностями, бюрократизмом и т. п., а в интересах трудящихся.

Взяточничество, превышение власти, потворствование самогонщине и бандитизму, незаконные сборы и налоги, бесхозяйственность, грубое обращение с рабочим, служащим или крестьянином, неправильное увольнение с работы и другие всевозможные преступления и нарушения революционной законности, глубоко вредящие трудящимся, и являются предметом обличительных заметок рабкоров и селькоров, той мишенью, против которой направляются удары нашей красной печати.

И голос рабочего и крестьянина в печати не остается без ответа.

Как только в той или иной газете появляется сообщение о злоупотреблении, по заметке сейчас же,

под наблюдением советской прокуратуры, производится строгое расследование. Если правильность заметки подтверждается, против преступного представителя власти возбуждается уголовное преследование.

Дальнейшей формой борьбы рабоче-крестьянской общественности с преступными элементами вообще и среди должностных лиц в частности является участие рабочих и крестьян в советских судах.

Советский суд не только по своим задачам, но и по своему составу есть суд подлинно народный, рабоче-крестьянский. Судьями у нас могут быть только трудящиеся. Участвующие в судах народные заседатели—это те же рабочие и крестьяне. Народные заседатели при разрешении дел пользуются всеми правами судей. Не трудно понять, какое это имеет огромное значение для действительной защиты трудящихся от произвола должностных лиц. Если в дореволюционное время некоторые дела по обвинению царских чиновников и доходили до рассмотрения судов, то что это были за суды. То были суды, глубоко враждебные трудящимся и по своему составу, и по тем законам, которыми они обязаны были руководствоваться.

Но не только в качестве судей, народных заседателей, крестьянская и рабочая общественность может помогать борьбе с преступным элементом.

Не менее серьезную помощь оказывают и так называемые общественные обвинители.

Это те обвинители, которые привлекаются прокурорами из числа передовых сознательных рабочих и крестьян для поддержания обвинения на судебных процессах.

Глубокое значение общественных обвинителей в деле борьбы за революционную законность понять нетрудно. Общественные обвинители для прокура-

туры имеют такое же приблизительно значение, как народные заседатели для наших судебных органов.

В чем смысл и задача их? В том, чтобы втянуть широкие массы трудящихся в активное отстаивание революционной законности. Участие в поддержании обвинения на суде, говоря словами тов. Крыленко, «должно привести к воспитанию в широких массах сознания обязанности защищать нарушенный закон, а не только права жаловаться на его нарушения».

Жалобы, как указывалось выше, играли и продолжают играть громадную роль в борьбе с различными злоупотреблениями: без них многие преступления оставались бы нераскрытыми. Но в жалобе обычно имеется элемент личной заинтересованности. Отсюда – громадное значение рабселькоровских заметок, поднимающих свой обличительный протест не во имя личной заинтересованности, а во имя интересов трудящихся. Отсюда—большое значение общественного обвинителя, изобличающего на суде преступника не в силу личной заинтересованности (как, скажем, потерпевший), но исходя из общественного мнения трудящихся, в непосредственном общении с которыми протекает повседневная работа общественного обвинителя.

В деревню только со второго полугодия 1925 г. стала докатываться организация общественных обвинителей. Здесь она и до настоящего времени в ряде мест едва-едва вышла из зачаточного состояния. Между тем, если общественный обвинитель нужен в городе, то он вдвойне нужен в деревне. Здесь еще более ярка и глубока будет его роль в борьбе с наиболее вредящими крестьянству преступлениями и темными пережитками. Необходимо, чтобы сама крестьянская общественность клеймила растратчиков, хулиганов, бандитов и т. п. Актив деревенский должен выделять достаточное число своих представителей в помощь прокуратуре и суду,

должен показывать пример смелого и мужественного публичного выступления перед рабоче-крестьянским судом для обвинения и изобличения преступных лиц.

Члены сельсоветов, ВИК'ов, секций, ККОВ, народный учитель, комсомольцы, деревенские культурники, наиболее передовые крестьяне от сохи должны быть вовлечены в организацию общественного обвинения в деревне.

Наконец, широкая выборность советов, право отзыва депутатов, участие в работе ревизионных комиссий при волисполкомах и сельсоветах,—все это, понятно, опять-таки дает широкие возможности трудящимся устранять из состава советского аппарата все негодное.

Глава V.

Отличие должностных преступлений от других преступлений.

Главнейшей особенностью должностных или, как их называют, служебных преступлений является то, что, как показывает само название их, они связаны с должностью, со службой.

Преступление по должности—это нарушение служащим служебного долга, служебных обязанностей.

Безразлично, каким служащим нарушена служебная обязанность. Будет ли это служащий по выбору (например, председатели и члены сельсоветов, волисполкомов) или по назначению (секретарь, делопроизводитель волисполкома),—в том и другом случае нарушение служебного долга при известных условиях рассматривается нашим уголовным советским законом не как общее, а как должностное преступление. Точно также должностное преступление может иметь место как со стороны низшего служащего (скажем, курьера, сторожа, канцеляриста), так и со стороны служащего, занимающего более высокую и ответственную должность.

Каждый винтик в государственном механизме признается необходимым для общих задач государства.

Сторож государственной фабрики и директор или инженер ее, начальник губернской, уездной или волостной милиции или младший сельский милиционер, делопроизводитель— все они должностные

лица, имеющие определенные, хотя и различные по степени важности права и обязанности, и за нарушение их каждый несет ответственность, как за должностное преступление.

Не имеет никакого значения и то, временную или постоянную должность занимает служащий,— в том и другом случае советское государство требует от служащего добросовестного выполнения своих обязанностей.

Далее. Речь идет о служащих не только государственных учреждений (советов, исполкомов, их отделов) и государственных предприятий (государственные заводы, совхозы и т. п.).

Имеется целый ряд и таких общественных организаций, которые действуют в общегосударственных интересах, которые выполняют задачи, имеющие общегосударственное значение, хотя сами по себе эти организации государственными не являются.

Таковы, например, кооперативные об'единения или такая общественная организация, как крестьянские общества взаимопомощи. В чем задачи их? В том, чтобы укрепить среди широких крестьянских масс общественность, оказывать и организовывать помощь маломощным и красноармейским хозяйствам, выступать в защиту их от эксплоатации, всячески развивать взаимопомощь среди крестьянского населения на началах его самодеятельности.

Поэтому, служащие таких вот общественных организаций, которые выполняют имеющие общегосударственное значение задачи, наравне со служащими государственных учреждений, несут ответственность за нарушение своих служебных обязанностей, как за должностные преступления.

Новый проект Уголовного Кодекса причисляет сюда и профессиональные союзы, должностные лица которых за совершение служебных преступлений (растрат, взяток и т. д.) отвечают, как за преступле-

ния по должности, если они привлечены к ответственности по постановлениям профессиональных союзов. Во всех же остальных случаях они отвечают, как частные граждане.

Другое дело—служащие у частных лиц и предприятий, которые должностными лицами нашим законом не считаются и которые за нарушение своих обязанностей по отношению к частным лицам и учреждениям поэтому и не могут отвечать, как за должностное преступление.

Интересы же частных лиц и учреждений, конечно, также защищаются в определенных рамках нашим законом, но другими путями. Если, например, служащий у какого-либо частного гражданина или в частном учреждении растратит или умышленно повредит, уничтожит вверенное ему хозяином имущество, он, конечно, будет отвечать за растрату, но не как за должностную растрату, а как за растрату обыкновенную.

Итак, когда говорят о должностных преступлениях, то имеются в виду преступления со стороны служащих не частных лиц и учреждений, а государственных учреждений или предприятий (безразлично, центральных или местных) и тех общественных организаций, которые выполняют задачи общего государственного значения.

Но не всякое преступление, совершенное должностным лицом, наш уголовный закон рассматривает, как преступление должностное. Допустим, например, что милиционер, не находясь при исполнении своих служебных обязанностей, оскорбит кого-либо или совершит иное какое-либо преступление, не связанное с его служебными обязанностями (скажем, кражу, убийство). Или, скажем, финансовый агент изобличен в истязании ребенка, в изнасиловании, какой-либо служащий окажется злостным неплательщиком государственных или местных нало-

гов. Само собой разумеется за подобные преступления милиционер и финагент будут привлечены к уголовной ответственности. Советский суд с них, наверное, взыщет строже, чем с частного гражданина. Строже потому, что если от всех граждан требуется соблюдение советского закона, то тем более это требование обязательно для должностных лиц. Если, например, служащий кооперативного или государственного склада, имеющий доступ в склад, совершил оттуда кражу, то он по нашему закону будет отвечать строже, чем частный гражданин, совершивший кражу из того же кооперативного склада.

Но все же во всех приведенных выше и подобных им примерах служащие будут отвечать, скажем, за кражу, изнасилование, клевету, истязание, злостный неплатеж налогов, как за общие преступления, совершить которые могут как служащие, так и частные граждане. Должностными же преступления в указанных случаях нашим законом считаться не будут, так как они не связаны со службой, с должностью.

А должностные преступления, как сказано, это такие преступления со стороны служащего, которые именно связаны со службой, должностью.

Допустим, судья или народный заседатель, участвующий в судебном заседании, вынесут из корыстных или иных личных выгод несправедливый приговор (скажем, оправдают конокрада или осудят из мести невиновного и т. д.); председатель волземкомиссии единоличной своей властью изменит решение, вынесенное по делу земельной комиссией в целом; представитель местной власти станет проводить самочинные налоги и сборы, несмотря на неоднократные решительные запрещения их Советской властью; следователь, сводя личные счеты, незаконно подвергнет аресту гражданина; милиционер за взятку уничтожит протокол на самогонщика; или

должностное лицо просто не выполняет того, что оно по обязанности службы обязано выполнить. Во всех подобных случаях имеем уже не общие, а должностные преступления, т.-е. такие преступления, которые сводятся к нарушениям служебных обязанностей.

Судья, вынесший из корыстных или иных личных выгод неправосудный приговор, самым грубым образом нарушил возложенную на него обязанность судить по совести, руководствуясь исключительно обстоятельствами дела и советскими законами.

Председатель волземкомиссии, единолично отменяющий или изменяющий вынесенное земельной комиссией решение, тем самым явно выходит за границы предоставленных ему служебных прав или, как говорят, превышает власть.

То же можно сказать и про тех представителей власти, которые стали бы, несмотря на неоднократные запрещения Советской власти, взимать с граждан незаконные поборы.

Но здесь может возникнуть и, действительно, часто в жизни возникает такой вопрос: раз должностным является преступление связанное со службой, то как быть с теми частными лицами, которые, не являясь служащими, тем не менее нередко в действительности играют главную роль, являются главными вдохновителями и зачинщиками или вообще участниками того или иного преступления по службе?

Служащий совершает служебный подлог, подстрекаемый кулаком, в интересах кулака. Такое должностное преступление, как взяточничество, обязательно предполагает причастность частного лица, дающего взятку или являющегося посредником при этом.

Неужели в таких случаях против лиц, играющих столь серьезную роль в должностном преступлении, только потому, что они не служащие, не будет

принято никакой меры социальной (общественной) защиты или они будут подвергнуты более легкой ответственности? Конечно, нет.

Наше советское право, признает, что в подобных случаях отвечают, и отвечают именно как за участие в должностном преступлении, не только служащий, совершивший подлог или принявший взятку, но и частные лица, участвовавшие в совершении служебного подлога или давшие взятку.

Из того правила, что преступление считается должностным, если оно связано с служебными обязанностями служащего, есть еще одно исключение. Представим себе, что какой-либо представитель власти вне службы ведет себя так (скажем, пьянствует, дебоширит), что явно подрывает в глазах трудящихся достоинство и авторитет тех органов власти, представителем которых данное должностное лицо является. Совершение должностным лицом таких вот действий, хотя бы и не связанных со служебными обязанностями, также рассматривается нашим Уголовным Кодексом как особое должностное преступление (дискредитирование власти).

Вслед за этими общими замечаниями перейдем к краткому обозрению отдельных видов должностных преступлений.

Глава VI.

Злоупотребление властью, дискредитирование власти.

Что же такое злоупотребление властью? Каждому должностному лицу по закону предоставлены определенные права. Наделяются они ими для того, чтобы иметь возможность успешно выполнять те или другие служебные обязанности в интересах государства, а следовательно, и в ограждение законных интересов граждан. Вместо правильного выполнения этих задач, некоторые должностные лица, пользуясь своим служебным положением, предоставленную им власть направляют для других целей.

От таких, не вызываемых соображениями служебной необходимости, действий должностных лиц могут быть различные последствия: нарушение правильной работы учреждения, причинение ему имущественного ущерба, нарушение общественного порядка, прав и законных интересов отдельных граждан. Вот такие действия должностных лиц и называются злоупотреблением властью.

При злоупотреблении властью может быть или корыстная или иная личная заинтересованность или могут быть в результате особо тяжелые последствия.

Трудно, конечно, перечислить все те разнообразные формы, в которых может выразиться злоупо-

требление властью. Вот несколько примеров, взятых из нашей судебной практики.

Милиционер боролся с самогоном особым способом. Ему все самогонщики были известны. Он являлся то к одному, то к другому, производил обыски, обнаруживал самогон, составлял об этом протоколы, потом со своей компанией самогон распивал, а протоколы уничтожал.

В одном из сел при составлении поселенных списков председатель сельсовета, совместно с секретарем, не включал в таковые ряд своих родственников и в то же время выдал им справки о размере причитающегося с них налога. Когда налог последними был внесен, то предсельсовета и секретарь зачли его, как внесенный самим предсельсовета и секретарем.

Из этих примеров видно, что все эти преступления могли быть лишь потому, что они совершались лицами, состоящими на службе, что эти служащие не могли не знать, что государству и гражданам причиняется вред, что это нарушало правильность работы и т. д. В самом деле, взять из приведенных примеров случаи распития отобранного самогона у крестьян милиционерами. Понятно, что крестьянин своему односельчанину, не состоящему на службе, его не выдал бы, председатель кресткома или заведующий учреждением не могли бы расходовать кредитов не на те надобности, которые предусмотрены законом, если бы они не состояли в этих должностях.

Итак, по нашему Уголовному Кодексу злоупотреблением властью будут считаться такие действия, которые отличаются следующими признаками: 1) совершение их должностным лицом, 2) должностное лицо могло совершить их исключительно благодаря своему служебному положению, 3) действия отнюдь не вызывались соображениями служебной необходимости, 4) действия имели (или за-

ведомо для должностного лица могли повлечь) одно из таких последствий: или явное нарушение правильной работы учреждения, или причинение имущественного ущерба, или нарушение общественрого порядка или законных прав и интересов отдельных граждан, 5) кроме того, имеются в виду действия, совершаемые неоднократно, как бы по плану или (как выражается закон) систематически или хотя бы не систематически, но по соображениям корысти или личной заинтересованности.

Вот за такие злоупотребления виновные несут ответственность в уголовном порядке и строгую ответственность не ниже шести месяцев лишения свободы и притом со строгой изоляцией.

Понятно, в жизни встречаются злоупотребления менее опасные, в которых нет только что указанных нами признаков. Допустим, например, злоупотребление носило случайный характер, не имело вредных последствий ни для учреждения, ни для частных лиц, совершено не из корыстных соображений и т.-д. Такие менее важные злоупотребления властью, конечно, не имеет смысла преследовать в уголовном порядке, но их нельзя вовсе оставлять без внимания. Они потому преследуются в дисциплинарном порядке (о котором уже нами говорилось выше).

Но особо законом выделяются такие злоупотребления власти, превышение ее, бездействие, халатность, к о г д а в р е з у л ь т а т е э т о г о п о с л е д о в а л р а з в а л р у к о в о д и м о г о д о л ж н о с т н ы м л и ц о м ц е н т р а л ь н о г о а п п а р а т а у п р а в л е н и я и л и т е х ж е х о з я й с т в е н н ы х г о с у д а р с т в е н н ы х а п п а р а т о в п р о и з в о д с т в а, т р а н с п о р т а, торговли и кредита.

Такие случаи, конечно, встречаются не часто так как здесь подразумеваются крупные центральные государственные органы, и вина служащих должна быть исключительно большой, чтобы в ре-

зультате неправильных действий служащих мог получиться развал управления.

За такого рода преступления виновные служащие караются лишением свободы на срок не ниже трех лет[1]) со строгой изоляцией, а при особо отягчающих вину обстоятельствах (корыстная заинтересованность, подлоги, хищения имущества, взяточничество и т. п.)—суд может приговорить виновных к расстрелу.

Теперь несколько слов о дискредитировании власти.

Дискредитировать власть—значит совершать такие поступки, которые хотя-бы и не были связаны со служебными обязанностями, но явно подрывают в глазах трудящихся достоинство и авторитет тех органов власти, представителем которых данный служащий является.

Военнослужащий, принадлежащий к административно-командному или комиссарскому составу, появляется в нетрезвом виде в общественном месте, ведет себя так, что обращает на себя общее внимание, площадно ругается.

В сельской местности. Наступили праздники. Начальство решило погулять. Перепились. Поехали по селу кататься. Безобразничают.

Все такие поступки служащих, конечно, роняют в глазах трудящихся, достоинство рабоче-крестьянской власти, те органы, которые они представляют.

Иной крестьянин или рабочий скажет: плох милиционер, командир, комиссар, председатель сельсовета; а другой рабочий или крестьянин скажет: плоха власть, плоха милиция, Красная армия.

К тому же, большей частью, одного дискредитирования власти не бывает, оно сопровождается целым рядом других преступлений должностных лиц. По-

---

[1]) По проекту Угол. Кодекса—не ниже двух лет.

путно с дискредитированием бывают растраты, подлоги, злоупотребления, превышение власти, взяточничество.

Есть много разнообразных случаев этого вида преступлений. Советская власть борется и с этим злом. Она чистит свои ряды от негодных работников выбрасывая их с должностей, ставя на их место рабочих от станка, крестьян от сохи, показавших себя крепкими, устойчивыми товарищами, преданными рабоче-крестьянскому делу. Но и по суду подобных должностых лиц не милуют.

По закону за дискредитирование власти возлагается такая же ответственность, как за злоупотребление властью [1]).

Если попутно с дискредитированием власти должностными лицами будут совершены другие преступления, скажем, взяточничество, то они отвечают по суду и за это.

---

[1]) По проекту Уголовного Кодекса за дискредитирование власти предусмотрено лишение свободы до двух лет.

Глава VII.

Взяточничество.

Каждый знает, что такое взяточничество. В народе создалась относительно взяточничества поговорка: «не подмажешь, не поедешь». Условия царской власти особенно благоприятствовали развитию взяточничества. Брали взятки большие чиновники, брали ее и мелкие служащие. Скажем, идет по железной дороге вагон с живностью. Прибыл на узловую станцию. Надо выключать вагон из поезда, сутки держать в ремонте. Проводник бьет тревогу. Кормить нечем скотину. Надо скорее доставлять к месту. Начальство неумолимо. Одно средство отправить вагон без задержки «смазать» трешницей. «Смазывает»—вагон идет дальше. На другой станции та же история. Надо устранить черту оседлости, получить паспорт—одно средство: дать взятку; большому—большую, меньшему—меньшую, по чину, по рангу. Взятка при царском строе была обычным делом, проникла она во все щели. Без нее нельзя было шагу ступить. Это и неудивительно потому, что ее брали везде. Всем памятны истории с крупными взятками в интендантствах и в министерствах. Нужно было заключить подряд на поставку обмундирования для армии. Бралась интендантством взятка, а обмундирование доставлялось негодное. Нужно было получить повышение по службе—и здесь без взятки не обходилось. Такое наследство мы получили от царизма. Сотни тысяч взяточников было выброшено из советского аппарата, новсе-таки кое-кто из

них остался и у нас на службе. В устранении этого закоренелого зла заинтересован весь рабочий класс и крестьянство в целом.

Возьмем пару примеров дел о взяточничестве, прошедших через советские суды.

Есть в селе злостный неплательщик налога, надо описать его имущество. Поручают исполнителю. Идет исполнитель, а кулак его приглашает попить чайку, угощает самогоном. Сует в руку пятишку. А в это время прячут хлеб, другие вещи, которые нужно описать. А исполнитель делает вид, что не видит. Составил опись - смотришь, а имущества и хлеба то почти у этого кулака и нет. Был кулак, а вышло—середняк или даже бедняк.

В свое время нашумело дело об убийстве рабкора Каминского. Следователь, который первоначально вел следствие по данному делу, имел перед собою достаточно ясные и твердые улики против убийц, среди которых был директор Горко-Павловской мануфактуры. Но подкупленный директором следователь пытался дело замять и дал заключение, что здесь якобы имело место самоубийство.

Но «повадится кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить»—говорит пословица. Так и эти служащие, которые берут взятки. Долго-ль, коротко-ль, смотришь, а слава пошла по селу. Нечист милиционер, председатель сельсовета, секретарь, исполнитель. За свою личную выгоду продают Советскую власть, интересы рабочих и крестьян. А в селе есть и честные граждане, любят общее рабоче-крестьянское дело, хотят скорей выйти из темноты к свету,—пишут заявление прокурору, селькор пишет заметку в местную газету. Смотришь, этих взяточников «за ушко, да на солнышко». К суду, а советский закон строг. Он взяточников по головке не гладит. Получил служащий взятку от кого-либо за то, что нарушил свой долг в интересах того

лица, которое дало ее,—закон говорит, что надо его осудить к лишению свободы на срок не ниже 1 года [1]).

Еще строже закон к тем служащим, которые занимают ответственные посты, а также к тем, которые судились за взятки или неоднократно получали их, применяли вымогательство. В этом случае таких взяточников можно приговорить уже к лишению свободы на срок не ниже трех лет [2]), со строгой изоляцией, а в некоторых случаях даже к расстрелу с конфискацией имущества.

Понятно, иначе подходить нельзя. Ведь, с какого-либо мелкого служащего, малограмотного, неразвитого человека можно меньше потребовать, чем с образованного, развитого директора фабрики. Да и ущерб государству каждым из них может быть принесен разный. Заводские трубы у нас в Республике теперь задымили повсюду. Сырье нужно. Иногда его нехватка. Надо заключить сделку с частным лицом. Заключает ее директор. Любит пожить шикарно. А тут случай—частный поставщик предлагает принять сырье третьего сорта за второй сорт—дает за это 200 червонцев. Соблазнительно. Сказано, сделано. А тут рабкор пронюхал и тиснул в газету заметку. К суду. Смотришь, лет 10 лишения свободы и получил.

Но можно ли возлагать ответственность только на тех лиц, которые берут взятки? Конечно, нет. И лица, дающие взятки, также отвечают по суду и в тех же пределах, как и берущие. Кулак, давший взятку исполнителю, чтобы он неправильно составил опись его имущества, нэпман, сдавший неправильно за взятку сырье, также подлежат судебной ответственности.

Особенно широко развито посредничество во взяточничестве. Многим памятен Нижегородский процесс судебных работников, широко открывший кар-

---

[1]) По проекту Угол. Кодекса—до двух лет,

[2]) По проекту не ниже   лет лишения свободы.

тину взяточничества и посредничества во взятках. Такие случаи, к сожалению, не единичны и имели место даже в судебных органах. Обычно само должностное лицо, оказывающее услуги частным лицам, покрывающее преступление, лично взяток не берет, а имеет для этого посредников. Тут участвуют иногда и родственники. Идут к нему за выручкой. Учреждение, например, нуждается в заключении договора с частными лицами. Дело выгодное, желающих несколько. Идут разговоры, с кем заключить сделку. Один из частных конкурентов хочет подмазать заведующего, от которого зависит заключение сделки. Самому подойти,—может сорваться, а знает, что он берет взятки. Находит лицо, близкое к заведующему, договаривается через него, передает. Вот эти лица, через которых взятки передаются, и называются посредниками, и они отвечают также наравне с теми лицами, которые взятки дают.

Но возможны и такие случаи, когда кто-либо из служащих знает о взяточничестве в учреждении, а со своей стороны не принимает никаких мер к их недопущению. И в этом случае такие лица отвечают, как лица, дающие взятки, и как посредники во взяточничестве.

Но всегда ли можно судить всех тех лиц, которые дают взятки? Нет, не всегда. Завелся спор о земле между двумя крестьянами. Пошли судиться в земельную комиссию. Плохой сидит председатель земельной комиссии. Судит не по праву. Кто его «смажет», того и верх. Идет к одному из спорящих о земле крестьян, вымогает взятку и говорит: «дай мне 20 руб., в твою пользу и решу дело; не дашь, плохо дело будет. Хоть ты и прав, а дела не выиграешь, спорной земли не получишь, получит ее твой сосед. Так и знай.» Испугался крестьянин. Плохо дело. Лишат земли. А нужна она Собрал, дал просимые деньги, да думает: «за что же я ему дал? Ведь, Советская власть стоит за бедняков, стоит за правду.

Неправильно я сделал. Пошел против Советской власти. Так нельзя». Идет и сразу же заявляет в волость или прокурору о том, что с него председатель земельной комиссии вымогал взятку. Вот в этом случае, когда кто-либо добровольно и своевременно заявит о вымогательстве с него взятки и когда это подтвердится на следствии, то он наказанию не подлежит.

Не все должностные лица понимают, как надо бороться со взяточничеством. Бывают такие случаи, когда сам служащий наталкивает гражданина дать взятку, а потом он же о том, что ему предлагают взятку, заявляет соответствующим органам.

Приходит к крестьянину милиционер и говорит: «ты скрыл от обложения корову. Будет плохо. Составлю протокол. Оштрафуют.» Намекает на дачу взятки. Крестьянин просит не составлять, предлагает деньги. Милиционер доносит по начальству, что такой-то крестьянин ему предложил взятку. Это будет провокация взятки, за которое милиционеру по суду может быть дано лишение свободы на срок до двух лет.

Государство не может допустить, чтобы должностные лица заведомо создавали обстановку и условия, вызывающие предложение взятки, хотя бы и для того, чтобы впоследствии изобличить дающего взятку.

Теперь мы остановимся еще на некоторых отдельных моментах, когда взяточничеством считаются и случаи, как будто на первый взгляд мало похожие на взятку.

Например, на какое-либо лицо возложена ревизия учреждения. За свою службу оно получает от государства определенное вознаграждение. Во время ревизии учреждения ревизор получает от такового какое-либо добавочное, непредусмотренное законом, вознаграждение. Хотя здесь, может быть, и не было сокрытия чего-либо преступного со стороны учреждения, и оно дало ревизору вознаграждение

за действительно проделанную большую работу, но, тем не менее, получение такого непредусмотренного законом вознаграждения является взяточничеством. Так что если, скажем, член губернской ревизионной комиссии приедет в деревню ревизовать кооператив и от правления его получит наградные деньги, когда это по закону не предусмотрено,—это будет взяточничеством, и отвечать должен не только член ревизионной комиссии, но и члены правления, выдавшие незаконное вознаграждение.

Будет также взяточничество и тогда, когда кто-либо из должностных лиц, ведя хозяйственные операции, скажем, с частными лицами, получает от них какое-либо вознаграждение.

Возьмем такой случай. Какое-либо хозяйственное учреждение заключило с подрядчиком договор на поставку для него дров. Одному или нескольким служащим поручило их приемку. Случилось так, что в рабочее время принять дрова не удалось. Приемку производили во внеурочное время, за что подрядчик, благодарный этим лицам, выдает им вознаграждение,—допустим, по сажени дров. Это будет тоже взяточничество.

После всего сказанного, нетрудно понять, что именно наш закон подразумевает под взяткою. Ее характерные признаки следующие:

Во-первых, получение служащим вознаграждения, совершенно безразлично чем: деньгами, продуктами или чем-либо иным.

Во-вторых: вознаграждение это берется за совершение или, наоборот, за несовершение какого-либо такого действия, которое входит в обязанности данного служащего. Если же служащий берет вознаграждение за такое действие, которое к его обязанностям никакого отношения не имеет, нет и взятки. С другой стороны, взятка будет как в том случае, когда служащий получает вознаграждение за по существу законное действие—скажем, освобождает аре-

стованного, которого, действительно нужно было по закону освободить, так, тем более, в тех случаях, когда за вознаграждение служащий совершает незаконное действие.

В-третьих, само собою разумеется, при взятке речь идет о выполнении или невыполнении какого-либо действия в интересах дающего.

Таковы признаки простой взятки. Более тяжкий или, как говорят, квалифицированный вид взятки будет в тех случаях, когда, сверх перечисленных признаков, налицо еще один из следующих:

1) Ответственное положение служащего.

2) Неоднократное получение взятки.

3) Прежняя судимость за взятку.

4) Применение вымогательства, т.-е. принуждения (путем ли угроз или иным образом) к даче взятки.

Глава VIII.

Присвоение или растрата и подлог.

Разницу между присвоением и растратой можно пояснить следующим образом. Если должностное лицо порученные ему деньги или имущество издержало—в этом случае будет растрата. Если же должностное лицо вверенные ему по службе деньги или имущество хотя и не растратило, но к определенному сроку не возвращает, хотя оно обязано их возвратить,—будет присвоение. Поясним примерами. Какому-либо служащему выдано учреждением на закупки чего-нибудь для нужд его деньги. Вместо того, чтобы выполнить поручение, он деньги прокучивает, поручения не исполняет, денег учреждению возвратить не может. Здесь будет растрата. Служащий, работающий в учреждении, получил для временного пользования мебель. В срок ее не возвращает. Временно о ней забывают. Этого служащего переводят в другой город. Он мебель увозит с собой. Здесь будет уже не растрата, а присвоение.

Но, в конце концов, неважно, как назвать совершенное служащим преступление—растратой или присвоением. В том и другом случае производится расхищение государственного или общественного имщуества.

Возьмем сельскую местность. Кооператив. Известно, какое громадное значение, при правильной постановке кооперативного дела, оно может и будет иметь в деле социалистического строительства. Вме-

сто того, чтобы итти за всем необходимым к частному торговцу, крестьяне организуют свой кооператив. Избирают правление и ревизионную комиссию. Ставятся на работу служащие. Среди них попадаются недобросовестные. Приказчик обращается с общественным товаром, как со своим собственным добром. Пользуется им сам, передает своим родственникам.

Производится сбор единого сельско-хозяйственного налога. Налог получается на месте деньгами. Лицо, получающее их, вместо того, чтобы их к сроку же отправить в финансовый отдел, держит у себя в кармане. Случилась личная нужда—дай, возьму. А там обернусь. Перехвачу у знакомого. Смотрит, денег-то у знакомого не оказалось. Пополнить казенных денег нечем.

В городе также не все обстоит благополучно. Здесь растраты много больше, чем в деревне.

Создали военно-дивизионный кооператив. Работает. Все идет хорошо. Товар дешевле, чем у частных лиц, да и всегда все под рукой. Надо расширить его, подкупить московских товаров. Правление посылает представителя кооператива в Москву. Снабжают деньгами. Приехал, пошел в ресторан, напился. Вспомнил свои старые замашки. Захотелось сыграть в картишки. Разыскал в Москве притон, проиграл. Там опять ресторан. Опять игорный притон. Захотел отыграться. А денег-то казенных уже почти и нет. В кармане мандат на получение из треста мануфактуры в кредит. Идет, получает. Небольшую часть отсылает в свой кооператив, а другую, большую часть, сбывает на московских рынках, примерно, на 25.000 рублей. Катит за границу. Проигрывает деньги. Взяло раскаяние. Едет обратно в СССР. Здесь суд. (Дело недавно рассмотрено в Москве).

Союз печатников. Председателем уже три года состоит одно и то же лицо. Вносят рабочие деньги на

профессиональные нужды. Председатель союза—старый профессиональный работник, чего беспокоиться за деньги. Но вот раз, другой, этот председатель стал являться на рабочие собрания пьяным. Что-то неладно. Ревизия. Смотришь, четырех тысяч профсоюзных денег и нет. Растратил председатель. Опять суд.

Выдаются деньги на восстановление в Москве Академического театра. Прошло некоторое время. Проверили. Оказалась растрата 25.000 рублей. Суд приговорил виновного к расстрелу.

За присвоение или растрату служащим или лицом, исполняющим какие-либо обязанности по поручению государственного или общественного учреждения, денег, ценностей или иного имущества, которые находятся у них в силу служебного положения или исполнения обязанностей, может быть назначено по суду лишение свободы на срок не ниже 1 года [1]).

Таким образом, существенными признаками служебной растраты являются: во-первых, совершение ее служащим или хотя не служащим, но лицом, выполняющим определенные поручения. Во-вторых, предметом растраты может быть любое имущество, в чем бы оно ни состояло (деньги, товары, ценности и т. д.), но имущество это должно находиться у данного лица в силу его служебного положения (например, деньги учреждения у кассира данного учреждения).

Кроме того, закон выделяет особо такие растраты, которые произведены служащим, наделенным особыми полномочиями, или же когда присвоены и растрачены особо важные государственные ценности. За такие растраты может быть назначено судом лишение свободы на срок не ниже трех лет, и даже расстрел, с конфискацией имущества.

1) По проекту Угол. Кодекса—до трех лет.

2) По проекту Угол. Кодекса—не ниже двух лет.

Вполне понятна та строгость, с которой закон относится к растратам. Хотя, как указывалось выше, волна растрат, как будто, пошла на убыль, но все же она еще достаточно велика. Растраты продолжают бить по нашему народному хозяйству. В особенности, по сельской кооперации, где они тем более чувствительны, чем меньше оборотные средства низовой кооперации. Ясно также и то, что растраты бьют не только по народному карману, но и по политическим интересам трудящихся, так как подрывают в глазах малосознательных граждан веру в государственные и общественные организации трудящихся. Беспощадная борьба с растратами диктуется и тем режимом экономии, который необходим для дальнейшего развертывания нашего народного хозяйства.

Здесь еще раз следует напомнить, что одними лишь уголовными законами, как бы строги они ни были, растраты искоренить трудно. Здесь уже большую роль сыграла и еще большую сыграет в будущем советская общественность. Непрерывная поверка лиц, которым доверяются государственные или общественные суммы. Серьезное и внимательное отношение к выборам с тем, чтобы выбирались не только лично честные работники, но и умеющие дело ставить так, чтобы к нему не примазывались бесчестные лица. Оживление работы ревизионных комиссий, многие из которых существовали скорее на бумаге, чем на деле,—вот, конечно, далеко неполный перечень мер, которые, помимо уголовного преследования, принимаются и должны приниматься против растратчиков.

Очень важно изжить то легкое отношение к растратам, о котором писал Д. И. Курский: «Очень часто общее собрание прощает растратчика, списывает его долги, и он даже остается на службе». Когда каждый трудящийся поймет, какое зло причиняется растратчиками и приучится относиться

к растрате, не как к мелкому, а как к глубоко позорному и бесчестному явлению в условиях рабоче-крестьянского государства,—мы растрату поборем так же, как в свое время побороли взятку.

Служебный подлог.

Но есть еще один вид служебного преступления, который является частым спутником растрат, это—подлог. Формы подлога бывают различные. В сущности, общим для всех случаев подлога является внесение должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений. Например, в поселенный список или поволостную сводку внесены заведомо ложные сведения о количестве пашни, скота, едоков или представлены заведомо ложные заключения по жалобам и ходатайствам плательщиков, или, например, выдается заведомо ложная справка о падеже коровы или лошади для получения страховой премии.

Но бывают и другие случаи подлога; это—подделка, подчистка или пометка задним числом документов.

Растратил служащий казенные или общественные деньги. Хочется выйти из беды. Получил счет, прибавляет в счете одну цифру или ставит другую, подчищая бывшую там. Вот и растраты нет, а то еще по счету и получается остаток. Да беда-то в том, что счет подложный.

Во всех этих и подобных им случаях будет налицо подлог, за который Уголовный Кодекс предусматривает лишение свободы на срок не ниже года в тех случаях, когда подлог совершен при полном отсутствии корыстных мотивов. По проекту Уголовного Кодекса назначается дисциплинарное взыскание.

Глава IX.

Незаконное задержание или незаконный привод. Постановление судьями из корыстных и иных личных видов неправосудного приговора.

Закон строго ограничивает случаи, когда допускается задержание граждан со стороны органов дознания (милицией, уголовным розыском). Предположим, преступник застигнут во время приготовления, совершения или тотчас после совершения преступления. Или потерпевший или кто-либо из очевидцев преступления укажут на какое-либо лицо, или на нем или в его жилище будут найдены следы преступления. Подозреваемый покушался на побег или задержан во время побега. Подозреваемый не имел места постоянного жительства или места постоянных занятий. Наконец, не установлена личность подозреваемого. Вот случаи, когда допускается задержание подозреваемых милицией или уголовным розыском (ст. 100 Уг.-Проц. Код.).

Также строго закон ограничивает и право заключения под стражу во время следствия.

Право задержания граждан установлено для того, чтобы оградить государство и общество от преступников. Оно строго ограничено, чтобы не допускать случаев задержания невиновных граждан.

Теперь возьмем такие примеры (тоже из судебной практики).

Едет на лошади по селу милиционер, пьян, кричит едущим по улице крестьянам: «сторонись, пере-

стреляю». Крестьяне сторонятся, замечая: «надо бы повежливей». Милиционер их задерживает, доставляет в милицию. Законно ли подобное задержание со стороны милиционера? Конечно, нет.

Или, вот, другой пример. Есть у судьи недруг, «насоливший» ему в личной жизни. А тут дело завелось. И вины то нет, а пристегнуть к делу можно. Пишет постановление об аресте. Сажают в исправдом.

Завелся между крестьянами спор о земле. Время посева. Надо скоро его разрешить. А один из спорящих приходится судье сродни. Пока разрешится спор, необходимо его подержать в исправдоме. Примазывает противную сторону к какому-нибудь делу и постановляет о заключении его под стражу.

За незаконное задержание или незаконный привод может быть по суду назначено лишение свободы на срок до одного года.

Совершилось в селе конокрадство. Угнали лошадь у бедняка. Агенты уголовного розыска стараются выяснить преступника. Задерживают подозреваемого. Приводят в уголовный розыск. Допрашивают, где был во время кражи, что делал. Ничего не выходит. Не сознается. И вот, предположим, начинаются угрозы, а то и избиения. Арестованный все валит на себя, хотя ни в чем неповинен. Пишут в протокол: сознался, виновен. Когда дошло дело до суда, рассказывает, что в розыске застращали, а потому принял на себя вину, хотя и неповинен. А в деле, кроме сознания самого обвиняемого, против него ровно ничего нет. Дело сорвалось. Настоящие виновные успели скрыться.

Помимо того, что застращивание, избиение при допросах, в целях понуждения подозреваемого сознаться в преступлении, само по себе вредно для дела раскрытия преступления, так как из этого толку никогда не бывает, советский закон вообще не допускает этих способов, как явно унижающих достоинство власти и граждан. Если подозреваемый

или обвиняемый почему-либо не захочет ответить на какой-либо вопрос, то это нужно записать в протокол. А сами розыскные и следственные органы обязаны без принуждения подозреваемого или обвиняемого доказать его виновность, если он виновен.

Такие случаи, когда агент уголовного розыска, милиционер, следователь принуждает кого-либо дать показание, скажем, угрозой, избиением или другими способами, а также допускает незаконное задержание или незаконный привод караются лишением свободы на срок не ниже 1 года[1]).

Теперь мы коснемся случаев вынесения судьями из корыстных или иных личных видов неправосудного приговора, решения или определения.

Здесь нужно обратить внимание на то, что речь идет не только о неправосудном (неправильном) приговоре вообще, а о вынесении неправильного приговора из корыстных или иных личных видов. Не будет преступлением, если судья вынесет неправильный приговор, добросовестно заблуждаясь. На такой случай имеются специально установленные высшие суды, куда осужденные и могут подавать свои жалобы. Высший суд, когда установит, что приговор вынесен неправильно, его отменит. Конечно, если судья будет часто ошибаться, выносить неправильные приговоры, то будут приняты меры или к выправлению работы этого судьи дачей ему указаний или совершенным снятием его с должности. Другое дело, когда судья умышленно заведомо выносит неправильный приговор, т.-е. сознает,что выносимый им приговор несправедлив, и желает его вынести в таком виде, будучи лично заинтересован, преследуя личную выгоду, личный интерес. Здесь будет уже преступление.

---

1) По проекту Угол. Кодекса—на срок до 5 лет.

Укажем пару примеров. Судья рассматривает уголовное дело. Часть свидетелей не явилась. Судья допросил явившуюся часть. Ему показалось, что картина преступления ясна. Приговорил к наказанию привлеченное к обвинению лицо, хотя обвиняемый и просил вызвать остальных свидетелей, которые бы опровергли показания первых. Потом уже, после того, как он осужден, этому лицу удается доказать, что он невиновен. Здесь преступления со стороны судьи нет.

Напротив, если, рассматривая дело, судья умышленно не допросил некоторых свидетелей, зная, что они опровергнут обвинение, преследуя при этом определенную цель—осудить невиновного или оправдать виноватого, то здесь будет уже со стороны судьи преступление.

Конечно, неправосудный приговор или решение может быть вынесен не только постоянным судьей, но и народным заседателем. Под судьями закон подразумеват членов губернских судов, земельных комиссий,—словом, всех тех органов, которым дано право рассмотрения дел и вынесения по ним приговоров или решений.

Советская власть признает в корне нетерпимым случаи вынесения неправосудных приговоров из личных и корыстных видов, почему и наказание к лицам, допускающим такого рода преступления, чрезвычайно велико. По закону, за совершение такого преступления определяется лишение свободы на срок не ниже трех лет [1]) а при особо отягчающих обстоятельствах—расстрел.

---

1) По проекту Угол. Кодекса—на срок не ниже двух лет.

Глава X.

Превышение власти. Бездействие власти. Разглашение не подлежащих оглашению сведений.

Превышение власти или служебных полномочий заключается в том, что служащий выходит из пределов предоставленных ему служебных прав и полномочий. Например, скажем, по закону разрешается за нарушение обязательных постановлений волисполкома нарушителей подвергнуть штрафу до трех рублей или принудительным работам до 5 дней. Если бы крестьянина за нарушение такого обязательного постановления подвергли штрафу или принудительным работам в большем размере, — это и было бы превышением власти.

Приведем несколько примеров. Заведывающий учреждением принял на службу такое лицо, принятие которого запрещено по судебному приговору, или принял на службу в то государственное учреждение, в котором сам состоит, своего близкого родственника.

Председатель сельсовета, исходя из местных нужд, самочинно вводит те или иные налоги и повинности на граждан, которые законом не предусмотрены, заставляет производить заготовку дров для отопления канцелярий сельсоветов, ВИК'ов, нести бесплатно подворную повинность и т. д.

Все это будет превышение власти, так как законом, в частности председателю сельсовета, само-

стоятельно вводить какие-то особые налоги права не предоставлено.

Превышение власти так же, как это мы видели, говоря о злоупотреблении властью, может сопровождаться явным нарушением правильной работы учреждения или предприятия или причинением ему имущественного ущерба, нарушением общественного порядка, прав и интересов отдельных граждан, или тяжелыми последствиями или создать в этом отношении серьезную угрозу. Оно может совершаться из корыстных побуждений или без них.

В зависимости от характера своего, в каждом отдельном случае за превышение власти может быть возложена ответственность такая же, как за злоупотребление властью [1]).

Но есть и такие случаи превышения власти, когда оно сопровождается насилием, применением оружия или мучительными и оскорбляющими личное достоинство потерпевших действиями.

За такого рода превышения власти должностные лица караются по суду особенно серьезно: лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией, а в исключительных случаях высшей мерой наказания (расстрелом).

Противоположным видом преступления со стороны должностных лиц будет б е з д е й с т в и е в л а с т и. Если в первом случае служащий выходит за пределы предоставленных ему по закону прав и полномочий, то при бездействии он, наоборот, не выполняет того, что от него требуется в силу служебных обязанностей. Халатное отношение к службе тем отличается от бездействия, что служащий свои служебные обязанности выполняет, но выполняет недобросовестно, небрежно. И здесь, как и при превышении власти, бездействие может сопровождаться

---

[1]) По проекту Уголовного Кодекса—на срок не ниже 6 месяцев лишения свободы.

теми же последствиями, т.-е. явным нарушением правильной работы учреждения, причинением ему имущественного ущерба.

На финансовые органы возложено по закону о едином сельско-хозяйственном налоге предоставлять, при обложении населения, льготы для красноармейцев и их семей, а какой-нибудь финорган этого не делает. На узловой станции железных дорог, предположим, допускались частые хищения. Об этих хищениях иногда администрации известно, и производятся они при ее попустительстве. Служащие таскают доски, керосин, стекла,—начальник станции и его помощник знают, но смотрят на это «сквозь пальцы».

В этом случае со стороны таких начальников — должностных лиц, не принимающих необходимых мер, предусмотренных законом, будет бездействие власти. За бездействие власти по закону возложена ответственность в виде лишения свободы до трех лет.

Разглашение не подлежащих оглашению сведений.

Возможны, конечно, различные случаи совершения должностного преступления этого вида. Обычно документы, бумаги, которые не подлежат оглашению, имеют соответствующие надписи, или об этом в соответствующем законе о тех или иных документах особо оговаривается. Например, караются по закону случаи сообщения посторонним лицам сведений о счетах по вкладам в сберегательных кассах граждан. Справки об этом могут быть выдаваемы только самим вкладчикам, их законным представителям, судебным и следственным властям. Также не подлежат разглашению сведения, имеющиеся в налоговых комиссиях о деятельности торговых, промышленных предприятий (о размерах их оборотов, прибылей, задолженности, выручках, ценах за товары и проч.). Преследуются в судебном по-

рядке и случаи разглашения без разрешения прокурорского надзора сведений, почерпнутых из материалов расследования по делам, находящимся в производстве судебно-следственных органов, органов дознания и ревизионных органов рабоче-крестьянской инспекции. Не подлежат оглашению и сведения из документов и актов, составленных в нотариальных конторах, за исключением случаев, указанных в законе.

Наконец, мы укажем еще один пример этого вида должностных преступлений.

Нами было уже выше указано, какую роль сыграли и играют рабочие и сельские корреспонденты в деле утверждения в Советской республике начал революционной законности, в борьбе с должностными и прочими преступлениями. Их полезнейшая деятельность встретила со стороны преступного элемента преследования. На-ряду с другими мерами явилась необходимость сохранения в некоторых случаях в тайне их имен. Между тем некоторые должностные лица их разглашали.

За этот вид должностных преступлений по Уг. Код. предусмотрено такое же наказание, как за злоупотребление властью[1]).

* * *

Мы лишь вкратце остановились на отдельных видах должностных преступлений. Подробный разбор каждого из них не входил в задачу настоящей брошюры, ставившей своей целью осветить, главным образом, то общее, что присуще различным должностным преступлениям в условиях нашей советской страны.

Нам кажется, что чем более широкие круги трудящихся усвоят общий подход и отношение нашего Советского государства к должностным преступлениям, тем легче будет и борьба с ними.

---

[1]). По проекту Угол. Код.—лишением свободы до 3 лет.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 50 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
МОСКВА, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, ДОМ 7.
Телеф. 2-80-42.